ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое»!

№ 40.а

В. В. ЛУНКЕВИЧЪ.

(В. Дикій).

ВСЯ ВЛАСТЬ — ВСЕМУ НАРОДУ!

ОТЪ САМОДЕРЖАВІЯ КЪ НАРОДОПРАВСТВУ.

Цѣна 20 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ

Петроградская Издательская Комиссія.

Галерная, 27.

1. Наша программа (популярное изложеніе) . . . . 10 к.
2. Программа и аграрный законопроектъ, внесенный во 2-ю Госуд. Думу . . . . 10 „
3. *Н. Быховскій.* Для чего нуженъ Сов. Крест. Депутатовъ . . 10 „
4. *Гардинсъ.* Почему я соціалистъ . . . . 15 „
5. *Лаврусевичъ.* Чего хотятъ друзья народа . . . . 30 „
6. Соціалиста словили . . . . 10 „
7. *Новоторжскій.* Соціализація земли . . . . 15 „
8. *Е. Лазаревъ.* Какъ крестьянамъ дали волю . . . . 15 „
9. *Дикштейнъ.* Кто чѣмъ живетъ . . . . 15 „
10. Наша платформа къ выборамъ въ гор. Думы . . . . . . 3 „
11. *П. Вихляевъ.* Какъ уравнять пользованіе землей . . . . 15 „
12. *А, Шрейдеръ.* Царь-Голодъ . . . . 6 „
13. *В. Черновъ.* Война и третья сила . . . . 50 „
14. *В. Черновъ.* Интернаціоналъ и война . . . . 50 „
15. *Глыба.* Разговоръ солдатъ объ отреченіи царя . . . . . 6 „
16. *В. Цвѣткова.* Какъ лучше распредѣлить землю . . . , 6 „
17. *Н. Брюлова-Шаскольская.* Народности Россіи и ихъ треб. 6 „
18. *В. Черновъ.* Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категоріи 50 „
19. *Б. Коварскій.* Сокращ. рабоч. врем. и 8-ми час. рабочій день 25 „
20. *Б. Коварскій* Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской революц. . . . . 50 „
21. *Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р . . . . 80 „
22. *В. Черновъ.* Сквозь туманъ грядущаго . . . . 60 „
23. *А. Шрейдеръ.* О налогахъ. . . . . 10 „
24. *Б. Корень.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изл.) . . . . 20 „
25. *В. Трутовскій.* О муниципальной программѣ . . . . . . 25 „
27. *И. Бѣлочкинъ.* Земля и воля трудов. народу . . . . . 15 „
28. Резолюціи, принят. на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р. съ предисл. Ц. К. 12 „
29. *А. Бахъ.* Царь-Голодъ. . . . . 40 „
31. *Діэзъ.* Сказка о царѣ недоумкѣ . . . . 30 „
38. *В. Лункевичъ.* Что такое учред. собр. . . . . 12 „

Печатаются:

26. *В. Черновъ.* Имперіалистическія мечтанія . . . . 30 „
30. *В. Цвѣткова.* Какъ производить выборы . . . . 8 „
32. *Глѣбъ. Смирновъ.* Минимумъ заработной платы . . . . . . 8 „
33. *Шэфле.* Сущность соціализма.
34. *Викторъ Черновъ.* Земля и право.
35. *М. Вишнякъ.* Личность въ правѣ.
36. *Тунъ.* Исторія революціон. движ. въ Россіи съ прим. Л Э. Шишко.
37. *Д. Самойловъ.* Профессіональные союзы.
39. *В. Лункевичъ.* Каковы должны быть земельн. пор. на Руси.
40. *В. Лункевичъ.* Вся власть всему народу.
41. *В. Лункевичъ.* Борцы за право и свободу.
42. *В Лункевичъ.* Право человѣка и гражданина.
43. *Б. Черненковъ.* Основные законы о землѣ.
44. *В. Цвѣткова.* Почему крест. не должны голос. за Парт. Нар. Своб.
45. *Н. В. Брюлова-Шаскольская.* П. С.-Р. и Національный вопросъ.

Тип. П. П. Сойкина.

I. Государство самодержавное, полицейское.

„Государство — это я!" сказалъ однажды самодержавный французскій король, Людовикъ XIV-й.

И то же самое говорили и говорятъ про себя самодержавные властители — короли, цари императоры, султаны и богдыханы — различныхъ странъ и народовъ.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, неограниченный властитель или монархъ?

Это человѣкъ, который, неизвѣстно почему, имѣетъ право распоряжаться судьбой — желаніями, дѣлами, жизнью и смертью — милліоновъ людей. Да и какъ еще распоряжаться! Полновластно, не давая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, ибо *онъ самъ себѣ — и законъ, и власть, и судья.*

Самодержавный *монархъ стоитъ внѣ закона*, такъ какъ самъ утверждаетъ законы: законъ—это его личная воля, его желаніе, его прихоть, порою безразсудная, преступная прихоть.

Самодержавный *монархъ не подчиняется никакой власти,* такъ какъ самъ является верховною властью государства: всѣ иныя власти исходятъ отъ самодержца, всѣ онѣ послушны *его* велѣніямъ, всѣ исполняютъ *его* неограниченную волю.

Самодержавный *монархъ не несетъ никакого отвѣта за свои дѣянія*, не подлежитъ никакому суду, такъ какъ самъ считается высшимъ судьей своей страны: судебные уставы — плодъ его собственной воли, а судьи — его ставленники и покорные слуги.

Правильно ли это?

Во всякомъ государствѣ имѣются троякаго рода дѣла и нужды: надо, во-первыхъ, вырабатывать законы; надо, во-вторыхъ, заводить, согласно этимъ законамъ, хозяй-

ственные и общественные порядки; надо, въ-третьихъ, призывать къ отвѣту, судить тѣхъ, кто уклоняется отъ исполненія законовъ или учиняетъ беззаконія. Вотъ почему и сама власть въ государствѣ должна быть трояхкаго рода: власть *законодательная*, власть *исполнительная* и власть *судебная*.

Если представитель исполнительной власти, т. е. правитель, получаетъ право издавать законы, то можно ли ручаться, что онъ не придумаетъ такихъ законовъ, которые позволятъ ему преслѣдовать, угнетать и даже истязать подданныхъ „на законномъ основаніи"? Конечно, нельзя. А если правитель оказывается въ то же время и судьей, то это даетъ ему вольную волю надъ жизнью и смертью подсудимыхъ: что захочетъ, то и сдѣлаетъ, какъ взбредетъ въ башку, такъ и расправится съ ними.

Въ государствѣ, которое построено на правильныхъ началахъ, власть законодательная отдѣлена отъ власти исполнительной и отъ власти судебной: каждая изъ нихъ имѣетъ свои права и свои обязанности какъ по отношенію къ гражданамъ, такъ и по отношенію другъ къ другу. А въ государствѣ самодержавномъ всѣ три власти — и законодательная, и исполнительная, и судебная — находятся въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Потому то здѣсь все держится на произволѣ властей и на безправіи гражданъ.

Но это еще не вся бѣда. Есть и другая, пожалуй, похуже.

Спрашивается: можетъ ли самодержавный монархъ одинъ, безъ помощи другихъ, и законы издавать, и страной управлять, и судъ надъ подданными творить? Разумѣется, не можетъ: такая работа не подъ силу одному человѣку даже тогда, когда онъ, какъ говорится, семи пядей во лбу — для исполненія ея нужно быть всевидящимъ, всезнающимъ и вездѣсущимъ!

Вотъ почему у самодержавнаго государя имѣется много помощниковъ, которымъ онъ и передаетъ часть власти своей, говоря: „творите волю мою!" Помощники эти именуются министрами, государственными совѣтниками, сенаторами, губернаторами т. д. Но и имъ, въ свою очередь, необходимы помощники — исполнители *ихъ* воли *ихъ* предписаній и приказаній. Такимъ образомъ возникаетъ цѣлая армія подчиненныхъ другъ другу *чиновниковъ*, которые и вѣдаютъ всѣми дѣлами государства: „государевы слуги", чиновники, на самомъ дѣлѣ и законы

составляютъ, и страною управляютъ, и судъ творятъ. Дѣлаютъ они это, конечно, съ согласія, одобренія и благословенія самого монарха. Но вѣдь ему ничего другого и не остается, какъ соглашаться съ предложеніями законниковъ, одобрять дѣянія правителей, утверждать рѣшенія судей. Стоя далеко отъ населенія и нуждъ его, не имѣя ни силъ, ни возможности все видѣть, все знать и за всѣмъ услѣдить, самодержавный монархъ — будь онъ даже умнѣйшій и справедливѣйшій изъ людей — долженъ, волей-неволей, прислушиваться къ „донесеніямъ" своихъ слугъ и скрѣплять словомъ или подписью распоряженія своихъ многочисленныхъ помощниковъ.

Что же изъ этого получается? А получается нѣчто по существу нелѣпое: „всемогущій самодержецъ" зачастую оказывается лишь игрушкой въ рукахъ всевластнаго чиновничества!

Каждый чиновникъ—отъ министра до урядника включительно — дѣйствуетъ на мѣстѣ полновластно, какъ неограниченный въ своихъ правахъ царекъ. Власть *большого самодержца*, того самаго что стоитъ во главѣ всего государства находится *внѣ* закона. *Внѣ* закона же ставятъ власть свою и всѣ *маленькіе*, губернскіе, уѣздные и участковые *„самодержцы"*. Передъ ихъ волей должны смиряться подданные подвластныхъ имъ губерній, уѣздовъ и участковъ; ихъ „обязательныя постановленія", циркуляры и приказы страшнѣе царскихъ манифестовъ; за оскорбленіе „Его Величества, господина урядника" у насъ иной разъ доставалось не меньше, чѣмъ за оскорбленіе „Его Величества, Государя Императора"...

Такъ самодержавіе монарха размѣнивается на самодержавіе чиновниковъ, составляющихъ подлинное правительство; такъ самодержавное государство превращается въ государство „приказное", полицейское, въ которомъ и власть и законъ находятся въ рукахъ чиновничества — по ученому, *бюрократіи*.

Вы скажете: но вѣдь бюрократія обязана дѣйствовать согласно установленнымъ въ государствѣ законамъ; она, стало быть, не имѣетъ права поступать, какъ вздумаетъ — по своему хотѣнію, по личному усмотрѣнію.

Такъ ли это однако?

Во-первыхъ. Въ самодержавномъ государствѣ законы издаются, измѣняются и уничтожаются чиновниками вкупѣ съ монархомъ. Понятно, что законы эти должны составляться такимъ образомъ, чтобы вся выгода отъ нихъ была прежде всего на сторонѣ самихъ правителей

и ихъ присныхъ. Всякій законъ имѣетъ тутъ силу только до тѣхъ поръ, пока онъ желателенъ властямъ и выгоденъ для тѣхъ, кого монархъ и бюрократія считаютъ своими друзьями. Если же онъ почему-либо не нравится властямъ, идетъ въ разрѣзъ съ интересами людей богатыхъ и знатныхъ, то такой законъ немедленно упраздняется и на его мѣсто вводится другой, болѣе выгодный для самихъ законодателей и для ихъ союзниковъ.

Затѣмъ. Вы уже знаете, что въ полицейскомъ государствѣ чиновники получаютъ право, въ случаѣ надобности, издавать приказы, циркуляры и обязательныя постановленія, А что это значитъ — приказы, циркуляры да обязательныя постановленія — лучше всего знаетъ россіянинъ: вѣдь у насъ несчастный обыватель порою прямо таки задыхался отъ обилія начальническихъ предписаній.

Наконецъ. Въ самодержавномъ государствѣ нѣтъ почти никакой возможности бороться съ беззаконіемъ властей при помощи суда. Жаловаться на чиновниковъ приходится по начальству, то есть чиновникамъ же званіемъ повыше, а тѣ ужъ рѣшатъ, слѣдуетъ ли давать ходъ этой жалобѣ въ судебномъ порядкѣ или нѣтъ. Но... извѣстное дѣло, „рука руку моетъ", а потому жалобы на самоуправство чиновниковъ обычно ни къ чему не приводятъ: не слѣдуетъ, дескать подрывать въ обывателѣ довѣріе къ начальству, не слѣдуетъ, чтобы подданные думали, будто „исполнители воли монарха" могутъ совершать беззаконія, и особенно не слѣдуетъ, чтобы такъ думали о чиновникахъ крупныхъ — о губернаторахъ, министрахъ и иныхъ прочихъ сановникахъ...

Итакъ, самодержавное государство даетъ чиновникамъ — и большимъ, и малымъ — полную свободу дѣйствій. А потому они являются полновластными хозяевами такого государства.

Тутъ все клонится къ выгодѣ правителей, ихъ друзей и союзниковъ; тутъ и законъ и судъ есть хотѣніе и произволъ властей; тутъ все населеніе распадается на два неравныхъ по числу и по положенію лагеря. Въ одномъ лагерѣ полноправное правительство съ самодержавнымъ монархомъ во главѣ, въ другомъ — безправный народъ; въ одномъ — законодатели, правители и судьи, въ другомъ — „вѣрноподданные", которыхъ принуждаютъ подчиняться и караютъ за непокорность; въ одномъ — всевластные пастыри, въ другомъ — послушное человѣческое стадо...

II. Государство правовое, конституціонное

„Государство — это весь народъ, законъ — воля всего народа. А потому верховная власть въ государствѣ есть достояніе всего народа".

Это говорятъ не короли, не цари и не султаны; это говоритъ высшая мудрость народовъ, наука.

Наряду съ государствами, которыя держатся цѣликомъ на произволѣ, существуютъ и другого рода государства, гдѣ на первомъ мѣстѣ поставлены *законъ* и *право*, а не беззаконіе и безправіе. Это, какъ называютъ ихъ, государства правовыя, конституціонныя.

Дальше, на примѣрахъ, взятыхъ изъ жизни, мы познакомимся подробнѣе съ порядками и дѣлами правового государства. А теперь скажу въ двухъ словахъ, что въ немъ самое важное.

Въ правовомъ государствѣ законодательствуетъ самъ народъ. Дѣлаетъ онъ это либо *прямо*, подавая свой голосъ за законъ или противъ него, либо *при посредствѣ* своихъ избранниковъ. Избранники или представители народа образуютъ всѣ вмѣстѣ собраніе, которое въ различныхъ странахъ величается различно: гдѣ парламентомъ, гдѣ палатой депутатовъ, а гдѣ еще какъ-нибудь иначе. *Собраніе депутатовъ, или парламентъ, и является законодательною властью правового государства.* Это — прежде всего.

Далѣе, въ правовомъ государствѣ власть исполнительная, т. е. правители, обязаны подчиняться законамъ, которыя издаются парламентомъ, должны дѣйствовать согласно — и только согласно! — съ этими законами. Говоря иначе, тутъ *исполнительная власть находится въ подчиненіи у власти законодательной.* Законъ надѣляетъ министровъ, комиссаровъ и т. д. — правами; законъ не связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ, не мѣшаетъ распоряжаться по совѣсти и разумѣнію въ тѣхъ дѣлахъ, которыя имъ поручены; но онъ же возлагаетъ на правителей и непреложныя обязанности: каждый циркуляръ министра, каждый приказъ и каждое распоряженіе комиссара должны быть въ полномъ согласіи съ тѣми законами, которые установлены парламентомъ. А отсюда прямо вытекаетъ еще одно важное правило, котораго всегда придерживается правовое государство: тутъ законодательная власть, — скажемъ парламентъ — имѣетъ право выбирать подходя-

щихъ для себя министровъ, провѣрять ихъ дѣйствія, требовать у нихъ отчета по разнымъ дѣламъ, смѣщать ихъ съ должности и даже преслѣдовать судомъ въ случаѣ какихъ-либо большихъ провинностей.

Наконецъ, въ правовомъ государствѣ судебная власть поставлена отдѣльно и отъ власти исполнительной и отъ власти законодательной. Судъ здѣсь созывается и ведется на основаніи тѣхъ законовъ, что выработаны депутатами — избранниками народа. Никакихъ отступленій отъ этихъ законовъ не допускается; никакихъ чрезвычайныхъ, т. е. незаконныхъ судовъ не полагается: всѣ подлежатъ равному суду, всѣ судятся по однимъ и тѣмъ же законамъ. Но вмѣшиваться въ судебное разбирательство парламентъ не воленъ; не смѣетъ соваться въ дѣла судебныя и исполнительная власть. Судьи властямъ предержащимъ не подчиняются, отъ министровъ и комиссаровъ не зависятъ, ибо имъ приходится порой судить самихъ министровъ. А какой ужъ это былъ бы судъ, еслибъ судьи боялись сказать свое правдивое, нелицепріятное слово о должностныхъ лицахъ высокаго полета! Такой боязни у нихъ не можетъ быть и въ поминѣ, разъ сановные чиновники не имѣютъ никакой власти надъ судьями...

Итакъ, народное законодательство, строгое раздѣленіе властей, подчиненіе исполнительной власти парламенту и независимость суда — вотъ главнѣйшіе устои правового государства...

Спрашивается: гдѣ, въ какихъ счастливыхъ странахъ дѣла налажены такъ, какъ того требуютъ правила правового государства?

Парламенты имѣются, напримѣръ, въ Германіи, въ Англіи, въ Швейцаріи. Есть они теперь и въ Турціи, и въ Персіи. Даже у насъ, въ Россіи, существовала цѣлыхъ десять лѣтъ Государственная Дума.

Спрашивается: можно ли назвать *истинно-правовымъ* государствомъ, напримѣръ, Германію, или Англію, или хотя бы даже Швейцарію? Нѣтъ, нельзя; и меньше всего такого названія заслуживаетъ, напримѣръ, Германія, несмотря на то, что здѣсь законы вырабатываются избранниками населенія, собраніемъ депутатовъ.

И вотъ, чтобы вы видѣли ясно, *чего не должно быть въ истинно-правовомъ государствѣ*, я и скажу нѣсколько словъ о государственныхъ порядкахъ у нѣмцевъ.

Въ Германіи существуетъ парламентъ; но тамъ же существуетъ и императоръ Вильгельмъ II-й, который

суетъ свой носъ во всѣ дѣла нѣмецкаго народа. Про Германію говорятъ, что это *конституціонная или ограниченная монархія*. Слова эти надо понимать такъ, что здѣсь власть подѣлена между императоромъ (монархомъ) и собраніемъ народныхъ избранниковъ. Императоръ считается представителемъ исполнительной власти: онъ стоитъ во главѣ всѣхъ должностныхъ лицъ, правящихъ нѣмецкимъ государствомъ. Онъ и назначаетъ и смѣщаетъ съ должности министровъ; они же дѣйствуютъ отъ имени и по приказу императора; они исполняютъ волю Вильгельма, а не избранниковъ народа. „Мы — министры Его Величества, а не ваши!“ сказалъ однажды государственный мужъ Германіи, Бисмаркъ, обращаясь къ депутатамъ нѣмецкаго парламента. И въ словахъ его была сущая прада. Въ Германіи народные представители не имѣютъ власти надъ министрами. Хороши ли эти министры, или нѣтъ, ведутъ ли они свои дѣла ко благу нѣмецкаго народа, или ко вреду его — все равно: народные представители должны терпѣть ихъ, должны работать съ ними, ибо только императоръ можетъ отставить министра отъ должности. А императоръ, съ своей стороны, затѣмъ только и слѣдитъ, чтобы „слуги“ его выполняли въ точности то, чего желаетъ онъ, императоръ, а не то, что считаетъ полезнымъ парламентъ. Часто желанія императора идутъ въ разрѣзъ съ желаніями парламента: монархъ и его „слуги“ гнутъ, что называется, свою линію, а избранники народа — свою. Государственная жизнь такимъ образомъ, тормозится, ибо сводится на нескончаемыя препирательства между парламентомъ и „короной“, т. е. между властью законодательной и властью исполнительной. Въ этомъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ недочетовъ нѣмецкаго государственнаго строя.

Есть и другой, столь же крупный.

Нѣмецкій императоръ — не только глава исполнительной власти: онъ имѣетъ свою долю и въ дѣлѣ законодательства, онъ является частью законодательной власти. А развѣ такой порядокъ не противорѣчитъ всему тому, что мы уже знаемъ о правовомъ государствѣ, въ которомъ полагается, чтобы исполнительная власть была отдѣлена отъ власти законодательной, чтобы первая находилась подъ началомъ у послѣдней?

Гдѣ ужъ тутъ „подъ началомъ“, коли нѣмецкій императоръ пользуется своей властью всю жизнь, имѣетъ право передать ее своему наслѣднику и не обязанъ дер-

жать передъ кѣмъ бы то ни было отвѣтъ за дѣла свои, хотя бы очень вредныя и позорныя для государства: власть его, какъ говорится, *пожизненная, наслѣдственная и безотвѣтственная*. Это поистинѣ вопіющая нелѣпость! Вѣдь въ правовомъ государствѣ законъ не долженъ терпѣть, чтобы человѣкъ, негодный и ничего не смыслящій въ дѣлахъ управленія, стоялъ у власти всю свою жизнь и не понесъ бы должной кары за тотъ вредъ, который онъ причинилъ населенію своими безтолковыми распоряженіями. И ужъ, конечно, законъ этотъ не можетъ допустить, чтобы такой человѣкъ имѣлъ еще право передать свою власть сыну-наслѣднику! Такіе порядки возможны только въ странѣ, которая не отрѣшилась еще отъ обычаевъ полицейскаго, самодержавнаго государства!

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что не всякое государство, гдѣ есть парламентъ, есть государство, дѣйствительно правовое. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ Германія. Ужъ одно то, что здѣсь есть императоръ, пользующійся пожизненной, наслѣдственной и безотвѣтственной властью, и что министры тутъ считаютъ себя „слугами“ монарха, а не народа и его избранниковъ,—ужъ одно это показываетъ, какъ далеко еще стоятъ государственные порядки Германіи отъ порядковъ подлинно правового государства: власть императора Вильгельма II есть просто помѣха для правильнаго теченія народной жизни—крикливая, надоѣдливая зловредная и позорная для нѣмцевъ помѣха. „Конституціонная монархія“ нѣмцевъ, это—какой-то ублюдокъ, рожденный отъ соединенія полицейскаго государства съ государствомъ правовымъ; это—неспаянная помѣсь стараго, рабскаго начала съ началомъ новымъ, свободнымъ; это—государство двуначальное, въ которомъ воля „Его Величества“ противупоставлена волѣ народа. Настоящее правовое государство, это—*Народоправство*, въ которомъ самъ народъ и есть „Его Величество“.

Но гдѣ, въ какой странѣ оно имѣется налицо? Быть можетъ, въ Англіи? Или, пожалуй, въ Швейцаріи?

Въ Англіи государственные порядки налажены куда лучше, чѣмъ въ Германіи; а въ Швейцаріи – еще лучше. Посмотримъ же сперва на Англію.

III. Государственные порядки Англiи.

У англичанъ есть поговорка: парламентъ не можетъ сдѣлать лишь одного—превратить мужчину въ женщину. Говоря иначе: онъ все можетъ, ибо держитъ твердо въ рукахъ своихъ всю власть надъ страной.

Какъ же складывается этотъ „всемогущiй" англiйскiй парламентъ?

Въ немъ двѣ *палаты*: нижняя и верхняя.

Въ *нижней* палатѣ засѣдаютъ депутаты—избранники народа; въ *верхней* — лорды, т. е. крупные землевладѣльцы изъ родовитаго дворянства; поэтому верхнюю палату и называютъ „палатою господъ".

Депутатовъ нижней палаты—числомъ 670—избираетъ великовозрастное населенiе англiйскаго королевства,— но къ сожалѣнiю, не все населенiе, ибо *тутъ нѣтъ еще всеобщаго избирательнаго права*: многiе неимущiе люди не пользуются правомъ участвовать въ выборахъ, *не пользуются этимъ правомъ и женщины*; оттого то, при народонаселенiи въ 50 миллiоновъ человѣкъ, избирателей въ Англiи всего лишь около 8 миллiоновъ, т. е. примѣрно шестая часть всѣхъ жителей.

Члены верхней палаты приглашаются или назначаются королемъ по соглашенiю съ министрами и другими важными сановниками. Дѣло въ томъ, что по закону, изстари заведенному въ Англiи, глава всякой родовитой дворянской семьи имѣетъ право засѣдать въ верхней палатѣ; право это считается наслѣдственнымъ, т. е. по смерти главы семейства переходитъ къ его наслѣднику. Стало быть, король не всякаго лорда можетъ пригласить въ члены господской палаты: приглашается лишь тотъ, кто имѣетъ на это право.

Главное занятiе англiйскаго парламента—составленiе законовъ. Кромѣ парламента, никакая другая власть,— ни король, ни „кабинетъ министровъ", ни тѣмъ паче отдѣльные министры—не имѣютъ права издавать законы. Но вѣдь въ англiйскомъ парламентѣ двѣ палаты—нижняя, состоящая изъ представителей народа, и верхняя, господская. Которая же изъ нихъ важнѣе въ дѣлахъ законодательства? По закону — обѣ одинаково важны а по установившемуся изстари обычаю вся сила парламента въ нижней, а не въ верхней палатѣ.

Положимъ, что нижняя палата выработала какой-либо новый законъ. Чтобы законъ этотъ возымѣлъ силу, вошелъ въ жизнь, его должна утвердить и палата лор-

довъ (господъ). По большей части такъ и бываетъ: верхняя палата, — иногда послѣ долгихъ сговоровъ и споровъ, а то и просто безъ всякихъ препирательствъ,— соглашается на законъ, уже принятый нижней палатой.

Почему же почтенные лорды столь покладисты? Не забывайте, что въ Англіи населеніе напередъ знаетъ, какіе новые законы думаетъ провести въ жизнь парламентъ. Въ то время, какъ законопроектъ (т. е. предполагаемый законъ) разсматривается въ парламентѣ, населеніе, съ своей стороны, обсуждаетъ его въ газетахъ и въ собраніяхъ. И здѣсь, въ газетахъ и собраніяхъ, идутъ разговоры, споры, доказательства въ пользу или противъ новаго закона; и здѣсь, въ концѣ концовъ, выясняется, хочетъ ли населеніе, чтобы онъ прошелъ въ жизнь или не хочетъ. Если большая часть населенія, если *общественное мнѣніе* стоитъ за законъ, то это уже служитъ сильною поддержкою для нижней палаты. Она настаиваетъ тогда рѣшительнѣе на своемъ предложеніи, она чувствуетъ, что правда на ея сторонѣ, и палата лордовъ, скрѣпя сердце, соглашается, ибо не хочетъ возстановлять противъ себя населеніе. Можетъ, конечно, случиться, что господа лорды, не считаясь съ голосомъ народа, все же будутъ упорствовать. Но и въ этомъ случаѣ нижняя палата, если захочетъ, найдетъ средство сломить упорство верхней палаты: она можетъ настоять, чтобы король и министры пригласили въ верхнюю палату новыхъ, не столь строптивыхъ лордовъ.

Надо замѣтить, что съ палатой лордовъ въ Англіи вообще не очень церемонятся, когда дѣло касается законовъ, важныхъ для всего населенія. Когда, положимъ, заходитъ рѣчь о новомъ налогѣ или о новыхъ расходахъ на флотъ и армію, на желѣзныя дороги и т. п.— палата лордовъ обычно въ такія дѣла не впутывается: они разбираются палатой депутатовъ — такой ужъ издавна установился на этотъ счетъ у англичанъ *обычай*.

Другое важное дѣло, которое взвалено на плечи англійскаго парламента, сводится къ заботамъ о государственномъ хозяйствѣ; онъ устанавливаетъ государственные доходы и расходы—утверждаетъ налоги, отпускаетъ министрамъ деньги, необходимыя для нуждъ арміи и флота, для народнаго просвѣщенія, для содержанія чиновниковъ, полиціи и т. д. Но и въ этомъ дѣлѣ, какъ мы ужъ видѣли, голосъ нижней палаты имѣетъ почти всегда гораздо больше силы и значенія, чѣмъ голосъ палаты господъ.

Наконецъ, англійскій парламентъ, какъ и полагается законодательной власти, имѣетъ строгій надзоръ за властью исполнительной. Онъ слѣдитъ за дѣйствіями и отдѣльныхъ высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ и за дѣятельностью всего правительства, вмѣстѣ взятаго. Эта работа парламента имѣетъ громадное значеніе для благосостоянія англійскихъ гражданъ. Тутъ ужъ ни одинъ чиновникъ за спину начальства не спрячется, ибо всякое „начальство", какъ бы оно тамъ важно ни величалось, обязано держать отвѣтъ передъ парламентомъ за свои проступки. Тутъ все правительство должно дѣйствовать въ согласіи съ парламентомъ. „Дѣлайте все, что считаете нужнымъ дѣлать для блага родины, но за черту установленныхъ законовъ не переступайте!" — вотъ напутствіе, которое дается правителямъ Англіи. И правители стараются придерживаться законовъ; да и не могутъ не придерживаться, такъ какъ имъ приходится отвѣчать за свои дѣла не только передъ парламентомъ, но и передъ судомъ. Вотъ почему въ Англіи министры подбираются изъ такихъ лицъ, которыя готовы работать и въ согласіи другъ съ другомъ и въ согласіи съ желаніями и указаніями парламента. Разъ „кабинетъ министровъ" уклоняется отъ воли парламента *), то онъ ужъ оказывается не ко двору: ему надо подавать въ отставку. Да и какъ не подводить? Вѣдь министерство — это власть *исполнительная*: оно должно проводить въ жизнь только то, что постановитъ парламентъ, власть *законодательная*. Министрамъ, стало быть, приходится либо подчиниться рѣшенію большей части депутатовъ, либо уходить съ должности. И вотъ что тутъ опять-таки заслуживаетъ вниманія.

„Кабинетъ министровъ" обыкновенно уходитъ въ отставку лишь тогда, когда этого требуетъ *нижняя* палата. Господа же лорды могутъ, сколько имъ угодно, бранить министровъ: министры въ отставку не уйдутъ, если только большинство нижней палаты ими довольно. Такой ужъ узаконился въ Англіи *обычай:* обычай считаться съ мнѣніемъ народныхъ представителей и лишь изрѣдка прислушиваться къ голосу высокопочтенныхъ лордовъ.

Бываетъ впрочемъ, что „кабинетъ министровъ", не желая уступить парламенту, принимается хлопотать у

*) „Воля парламента"—это „воля большинства членовъ парламента", ибо въ парламентахъ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

короля, чтобы тотъ „распустилъ парламентъ", назначилъ новые выборы депутатовъ. Такое право англійскій король дѣйствительно имѣетъ. Но пользуется онъ этимъ правомъ рѣдко. Чтобы понять, почему именно рѣдко, а не всегда, надо разобрать, что это за штука такая англійскій король, и для чего онъ понадобился англичанамъ.

Англичане говорятъ: „Король не можетъ поступать неправильно". Но вѣдь всякому человѣку свойственно поступать иногда и неправильно, всякому человѣку свойственно ошибаться, и не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Вотъ англичане и рѣшили не вводить въ соблазнъ своего короля, рѣшили обезвредить его, сдѣлать такъ, чтобъ онъ и въ самомъ дѣлѣ „не могъ поступать неправильно".

Законы въ Англіи издаетъ парламентъ. Король ихъ утверждаетъ. Можетъ значитъ и не утвердить? Можетъ, конечно. Но разъ законъ принятъ парламентомъ, англичане считаютъ его для себя обязательнымъ, и королю остается лишь утвердить его. „Такъ хочетъ король"— гласитъ всякій новый законъ Англій. Слѣдовало бы писать: „такъ хочетъ парламентъ", или еще лучше: „такъ хочетъ нижняя палата".

Король Англіи считается главою исполнительной власти. Но за всѣ дѣла и распоряженія его отвѣчаютъ передъ парламентомъ министры. Это очень связываетъ короля. Вздумай онъ предпринять что-нибудь помимо воли и согласія министровъ—послѣдніе откажутся держать отвѣтъ за самочинныя дѣянія короля, ибо кому въ самомъ дѣлѣ охота нести вину, а можетъ быть и кару за то, въ чемъ самъ онъ ни душой, ни тѣломъ неповиненъ. Потому то почти всѣ распоряженія англійскаго короля являются, по настоящему говоря, распоряженіями самихъ министровъ.

Король Англіи, какъ глава исполнительной власти, имѣетъ право подбирать министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Но и тутъ ему негдѣ развернуться: въ Англіи министерство складывается изъ тѣхъ людей, кого желаетъ парламентъ (большая часть депутатовъ). То же и насчетъ сановниковъ: они не могутъ дѣйствовать наперекоръ желанію парламента; иначе ихъ попросятъ оставить свой постъ, а то, чего добраго, и подъ судъ отдадутъ. Стало быть, и въ этомъ дѣлѣ власть англійскаго короля урѣзана донельзя: не очень то высоко занесешься съ такою властью!

Король Англіи, какъ я ужъ говорилъ, имѣетъ право распустить парламентъ. Онъ и дѣлаетъ это, да чрезвычайно рѣдко. И вотъ почему.

Когда между министрами и парламентомъ завязывается жестокій споръ, то *избиратели* рѣдко бываютъ за министровъ: обычно они держатъ сторону распущеннаго парламента. Поэтому при *новыхъ* выборахъ они подаютъ свои голоса за *старыхъ*, отстраненныхъ королемъ депутатовъ, либо за такихъ изъ новыхъ, которые все одно будутъ противъ нежеланнаго министерства. Собравшись вновь, нижняя палата первымъ дѣломъ заявляетъ, что она не желаетъ работать со старымъ кабинетомъ министровъ. Тутъ ужъ кабинету приходится покориться и уступить другимъ министерскія мѣста. Да и король не противится: какая ему, въ самомъ дѣлѣ, охота ссориться съ населеніемъ, которое хочетъ вѣрить, что „король не можетъ поступать неправильно", и потому относится къ нему доброжелательно?

Въ чемъ же, однако, власть англійскаго короля? Чѣмъ онъ король?

Король онъ тою пышностью, которою люди издавна привыкли окружать всѣхъ королей вообще: сидитъ на тронѣ, одѣтъ въ порфиру, принимаетъ иностранныхъ пословъ, участвуетъ въ торжествахъ, присутствуетъ на обѣдахъ въ честь знатныхъ гостей, получаетъ ежедневно свѣдѣнія о томъ, что говорится и дѣлается въ парламентѣ, служитъ, наконецъ, пугаломъ для непросвѣщенныхъ, часто полудикихъ жителей заморскихъ англійскихъ владѣній... Въ этомъ „сила" его, въ этомъ „власть" его.

Власть королевская въ Англіи есть прежде всего остатокъ „сѣдой старины", пережитокъ давно минувшихъ дней, который держится по старой памяти, по укоренившейся вѣками привычкѣ. А въ остальномъ это — ни къ чему ненужное да къ тому-жъ и дорогое украшеніе, роскошь.

IV. Еще объ англійскихъ порядкахъ.

Теперь — о судебной власти въ Англіи.

Судъ въ Англіи—могучая сила. Передъ нимъ склоняются всѣ англичане—отъ послѣдняго поденщика до перваго сановника. Англичанинъ уважаетъ судебную власть, довѣряетъ суду, ибо это, по правдѣ, судъ не-

лицепріятный. И тутъ, конечно, бываютъ судебныя ошибки, но обвиненный по ошибкѣ всегда можетъ добиться правды: англійскій законъ никакихъ препонъ на этотъ счетъ не ставитъ.

У насъ сплошь и рядомъ говорятъ: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Для англичанина такая поговорка сущій вздоръ: онъ можетъ и бороться и судиться со всякимъ законными путями.

Англійскій судъ не знаетъ разницы между лордомъ и поселяниномъ, между богачемъ и бѣднякомъ, между чиновною особой и обывателемъ: всѣ они обязаны исполнять одни и тѣ же законы, всѣ равно судятся однимъ и тѣмъ же судомъ, всѣ подлежатъ, при одинаковой винѣ, одинаковому же наказанію. Знатный вельможа-казнокрадъ и уличный воришка; во зло употребившій власть свою *министръ* и учинившій беззаконіе *городовой* равно отвѣтственны передъ судомъ, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ — вельможа или министръ, а другой—мелкій воришка или простой городовой.

Мало того: въ Англіи всякъ отвѣчаетъ за себя, и мелкій чиновникъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что, учиняя беззаконіе, онъ исполнялъ лишь приказаніе своего начальника. Законъ для англичанина выше всякаго начальства, выше всякихъ приказаній, будь то приказаніе хоть самого короля. И англійскій судья не постѣсняется покарать и начальника, давшаго незаконное распоряженіе, и подчиненнаго, который, забывъ про законъ, выполнилъ это распоряженіе своего начальства.

Англійскій судья — человѣкъ *вполнѣ независимый*. Несетъ ли онъ службу безвозмездно или получаетъ за нее плату—все равно: никто, никакая власть не можетъ заставить его судить не по закону. Поступая на службу, онъ даетъ присягу въ томъ, что никогда и ни подъ какимъ видомъ не станетъ исполнять приказанія начальства—даже самого короля!—если только приказанія эти не согласуются съ законами Англіи.

Англійскій судья несетъ свою службу до тѣхъ поръ, пока—такъ сказано въ законахъ Англіи!—„ведетъ себя, какъ слѣдуетъ“: *онъ несмѣняемъ*, т. е. власти не смѣютъ удалить его съ должности по своему произволу, не смѣютъ лишить его судейскаго сана за то, что онъ, положимъ, пришелся имъ не по вкусу, немилъ начальническому сердцу, не смотритъ сквозь пальцы на беззаконныя дѣйствія чиновниковъ. Онъ перестаетъ быть

судьей либо по собственному желанію, либо по приговору суда или самого парламента.

Словомъ, англійскій судъ всегда стоитъ на стражѣ законовъ: его не запугаешь и не задобришь ни начальническимъ приказаніемъ, ни взяткой. И немудрено, что англичане такъ высоко цѣнятъ и уважаютъ свой судъ.

Каковы же, спросите вы, законы Англіи—тѣ самые законы, по которымъ здѣсь и порядки налажены, и судъ ведется?

Не слѣдуетъ, конечно, думать, будто жизнь у англичанъ идетъ такъ великолѣпно, что лучшаго и не придумаешь. Нѣтъ: и въ Англіи есть много неправильнаго, несправедливаго. Англія—не рай земной, далеко не рай. Въ большихъ городахъ ея, особенно въ Лондонѣ, такое множество голытьбы и бѣдноты, какъ нигдѣ. Ужъ одного этого достаточно, чтобъ не приходить въ телячій восторгъ отъ порядковъ Англіи. А потомъ—зачѣмъ тамъ держится по сей день королевская власть? Кому и для чего она нужна? Зачѣмъ тамъ существуетъ господская палата? Почему кучка знатныхъ дворянъ имѣетъ, по закону, такія же права, какъ и нижняя палата? Вѣдь эти крупные землевладѣльцы, эти богатые собственники только тормозятъ жизнь Англіи, мѣшаютъ ея полному обновленію! И наконецъ: въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ *всеобщаго* избирательнаго права, даже для мужчинъ—не говоря уже о женщинахъ; въ Англіи до сихъ поръ еще не отмѣнена смертная казнь; Англія тѣснитъ подвластныхъ ей ирландцевъ; Англія иной разъ круто обходится съ жителями своихъ колоній въ Индіи, въ Африкѣ... Все это мало походитъ на „рай земной“, все это чернымъ пятномъ ложится на государственный строй такого даровитаго и просвѣщеннаго народа, какъ англичане. И тѣмъ не менѣе они имѣютъ право гордиться своими порядками. Возьмемъ къ примѣру хотя бы слѣдующее.

Можетъ ли кто сказать англичанину: поклоняйся такому-то Богу, а не иному, вѣруй вотъ этакъ, а не иначе? Нѣтъ: англичанинъ можетъ вѣрить въ кого угодно, можетъ совсѣмъ никакой вѣры не признавать, и никто его за это къ отвѣту не притянетъ, такъ какъ вѣра или невѣріе въ Англіи считается дѣломъ *свободной совѣсти* каждаго отдѣльнаго человѣка, и вмѣшиваться въ это дѣло другому человѣку не разрѣшается.

Можетъ ли какое-либо „начальство“—скажемъ, полиція—ворваться къ англичанину въ домъ, перерыть

тутъ все вверхъ дномъ, забрать его письма, книги, а самого посадить въ тюрьму, безъ суда, безъ слѣдствія, безъ всякихъ объясненій? Нѣтъ. „Хотя бы вѣтеръ завывалъ вкругъ хижины бѣдняка, и дождь пронизывалъ насквозь, король не имѣетъ права войти въ нее“! Такъ говорятъ англичане, и такъ же смотритъ на это дѣло англійскій законъ. Свобода человѣка въ Англіи цѣнится высоко. *Личность* человѣка уважается и считается поэтому *неприкосновенной*. Лишить англичанина свободы, посадить въ тюрьму можно лишь по постановленію суда. Такъ же неприкосновенны его имущество, переписка и *жилище:* вы слышали—даже король не смѣетъ самовольно войти въ хижину бѣдняка!

Можетъ ли кто запретить или просто помѣшать англичанину громогласно говорить и печатать все, что онъ думаетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ? Нѣтъ: англичанинъ пользуется полною *свободою устнаго и печатнаго слова.* Съ этою свободой онъ давно сроднился, отъ нея онъ ни предъ кѣмъ и никогда не отступится.

Можетъ ли кто англичанину сказать: не толпись, расходись, не ходи „табуномъ“, иначе пустимъ въ ходъ кулаки да нагайки, а то и пулеметы? Нѣтъ: къ такимъ разговорамъ, къ такому обхожденію англичанинъ не привыкъ. *Свобода собраній*—его неотъемлемое право. Онъ воленъ устраивать многолюдныя сборища и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, и подъ открытымъ небомъ, онъ воленъ обсуждать и пѣть на этихъ сборищахъ все, что ему вздумается. „Десять тысячъ англичанъ могутъ стоять вмѣстѣ на митингѣ въ Гайдъ-Паркѣ (общественный садъ), потому что каждый изъ этихъ десяти тысячъ имѣетъ право стоять порознь въ любомъ мѣстѣ. Каждый изъ участвующихъ въ такомъ собраніи можетъ произносить какія угодно рѣчи, потому что ему не запрещено говорить на улицѣ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы съ десятью тысячами слушателей“.

Таковы ужъ основные законы Англіи: они разрѣшаютъ устраивать безпрепятственно не только митинги, но и союзы всяческіе, и стачки...

Да, далеко ушла Англія отъ самодержавія. Нѣтъ въ ней народоправства, нѣтъ законченнаго правового строя—это вѣрно; но зато нѣтъ въ ней и той мерзости, что порочитъ порядки Германіи и еще вчера заполоняла отъ края до края нашу родину...

V. Союзная республика — Швейцарія.

Недурны порядки Англіи, а по сравненію съ нашими недавними порядками они и вовсе хороши. Въ Швейцаріи они еще лучше — ближе подходятъ къ народоправству. Нечего и говорить, что и здѣсь наталкиваешься на каждомъ шагу на *имущественное* неравенство людей, и здѣсь населеніе дѣлится на бѣдныхъ и богатыхъ, на живущихъ собственнымъ трудомъ и загребающихъ жаръ чужими руками. Но зато въ Швейцаріи давно ужъ сметены съ пути преграды, мѣшающія людямъ идти къ лучшему будущему. Тутъ нѣтъ ни монарха, ни холоповъ и слугъ монаршихъ, ни сословій, ни „вѣрноподанныхъ рабовъ", нѣтъ безразсуднаго, дикаго произвола, нѣтъ издѣвательства надъ мыслью, честью и совѣстью человѣка; тутъ трудъ и знаніе въ почетѣ; тутъ мысль не вѣдаетъ цѣпей, а законъ стоитъ на стражѣ воли...

Немного мѣста занимаетъ Швейцарія: изъ одной Архангельской губерніи можно выкроить штукъ двадцать Швейцарій; а жителей въ ней три съ половиною милліона—раза въ два только больше, чѣмъ въ Питерѣ.

Но, несмотря на малость свою, Швейцарія разбита на двадцать двѣ отдѣльныя области, которыя называются *кантонами*. Каждый кантонъ есть крошечная республика, управляется самостоятельно, согласно своимъ *мѣстнымъ* условіямъ, нуждамъ и законамъ. Всѣ эти 22 республики, объединившись, образовали одно „союзное государство", одну „союзную (федеративную) республику" — „Швейцарскій союзъ".

19 апрѣля 1874 года на судъ всего великовозрастнаго (около 20 лѣтъ) населенія 22-хъ кантоновъ Швейцаріи былъ предложенъ *сводъ основныхъ законовъ*: оно должно было отвѣтить, желаетъ ли жить и управляться согласно этимъ законамъ или не желаетъ. Вопросъ рѣшался голосованіемъ. Число жителей, подавшихъ свой голосъ, было около 550 тысячъ. Огромное большинство сказало; „да". И съ той поры швейцарскій народъ живетъ и управляется по законамъ, которые *онъ самъ же одобрилъ* въ воскресный день 19-го апрѣля 1874 года...

Всѣ права и вольности, которыми справедливо гордится англичанинъ, имѣются и у швейцарца. На этомъ, стало быть, останавливаться не стоитъ. Важнѣе при-

глядѣться ближе къ тѣмъ порядкамъ, которыхъ англичанамъ не достаетъ, а намъ нужно во что-бы то ни стало добиваться въ Учредительномъ Собраніи на ряду съ другими требованіями Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Верховная власть въ Швейцаріи принадлежитъ народу. Вы видѣли — онъ своею волею, путемъ подачи голосовъ, скрѣпилъ тѣ основные законы, согласно которымъ управляется его родина. Но большую часть этой власти своей народъ передаетъ, довѣряетъ своимъ избранникамъ, депутатамъ *Союзнаго Собранія*.

Союзное Собраніе—это парламентъ Швейцаріи. Оно состоитъ изъ двухъ палатъ. Въ одной палатѣ засѣдаютъ избранники отъ *всей* Швейцаріи: человѣкъ полтораста депутатовъ; въ другой палатѣ засѣдаютъ избранники *отъ* отдѣльныхъ *кантоновъ:* 44 депутата, по два отъ каждаго кантона. Населеніе каждаго кантона посылаетъ во вторую палату двухъ представителей, чтобы тѣ принимали участіе въ дѣлахъ *всего союза* и заботились бы о нуждахъ *своего кантона*. Ясно, что вторая палата швейцарскаго парламента совсѣмъ не то, что „палата господъ" въ Англіи: англійскихъ лордовъ не народъ выбираетъ, а король назначаетъ, лорды не о народныхъ нуждахъ пекутся, а за господскіе интересы горой стоятъ, тогда какъ депутаты швейцарской верхней палаты избираются населеніемъ отдѣльныхъ кантоновъ для защиты интересовъ этихъ кантоновъ.

Одинъ изъ основныхъ законовъ Швейцарской „союзной республики" гласитъ: „Въ выборахъ депутата имѣетъ право принимать участіе всякій швейцарецъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста".

Стало быть, въ Швейцаріи имѣется всеобщее избирательное право. Къ сожалѣнію, оно касается только мужчинъ: швейцарцы не додумались еще до того, чтобы дать это право и женщинамъ. Потомъ — выборы депутатовъ тутъ *прямые*, что очень важно. Никакихъ выборщиковъ, уполномоченныхъ и т. д. тутъ не полагается: населеніе прямо подаетъ голосъ за того, кого хочетъ надѣлить почетнымъ званіемъ депутата.

Чѣмъ же занимаются обѣ палаты швейцарскаго Союзнаго Собранія (парламента)? Въ чемъ ихъ права и обязанности?

Права у нихъ большія, а обязанности и того больше. Укажу важнѣйшія.

Союзное Собраніе:

а) издаетъ новые законы и постановленія, которые касаются всего населенія Швейцаріи;

б) измѣняетъ, въ случаѣ надобности, сводъ основныхъ законовъ;

в) устанавливаетъ государственные доходы и расходы;

г) надзираетъ за дѣятельностью исполнительной и судебной власти „Союза“ (т. е. всей Швейцаріи);

д) разбираетъ и улаживаетъ споры и несогласія между высшими властями „Союза“;

е) распоряжается по своему усмотрѣнію народною милиціей (т. е. арміей) „Союза“.

Среди всѣхъ этихъ дѣлъ Союзнаго Собранія на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно, поставить переработку старыхъ и изданіе новыхъ законовъ. Это дѣло поставлено въ Швейцаріи основательно, основательнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Положимъ, что Союзное Собраніе (обѣ палаты, конечно) выработало какой-нибудь новый законъ. Что же дальше? Законъ вступаетъ въ силу? Начинаетъ дѣйствовать? Да, если народъ пожелаетъ этого, если онъ признаетъ новый законъ. А не пожелаетъ, не признаетъ, то и закону не быть закономъ.

Посмотримъ, какъ нужно понимать это.

Принявши новый законъ, Союзное Собраніе отпечатываетъ его и разсылаетъ должностнымъ лицамъ всѣхъ кантоновъ. Должностныя лица, съ своей стороны, направляютъ отпечатанные листы съ новымъ закон во всѣ, даже самые отдаленные и глухіе углы и закоулки Швейцаріи. Листы эти расклеиваются на улицахъ и въ то же время все, что говорится въ нихъ, печатается въ газетахъ. Среди швейцарцевъ нѣтъ неграмотныхъ: всѣ получаютъ безплатно первоначальное обученіе. Нѣтъ, значитъ, ничего удивительнаго, что всѣ они вскорѣ узнаютъ, что изволили изготовить для нихъ ихъ избранники. Новый законъ читается, толкуется на разные лады. На обсужденіе его самимъ народомъ дается срокъ въ три мѣсяца. За это время должно выясниться, согласно ли населеніе принять новый законъ или нѣтъ. Если никто не возражаетъ противъ новаго закона, то онъ входитъ въ силу, начинаетъ дѣйствовать. Положимъ однако, что не всѣ довольны новымъ закономъ. Что же тогда дѣлается? Тогда всѣ недовольные идутъ къ своему ближайшему началь-

ству и записываютъ тамъ свои имена на особыхъ листахъ. Если такихъ записей наберется 30.000 или если противъ новаго закона выскажется населеніе 8 кантоновъ (а въ Швейцаріи ихъ 22) то тогда законъ этотъ повергается къ „стопамъ Его Величества, Швейцарскаго народа“ на усмотрѣніе: союзныя власти назначаютъ день *всенароднаго голосованія*, и въ этотъ день во всей Швейцаріи граждане, имѣющіе отъ роду не меньше 20 лѣтъ, подаютъ записки, въ которыхъ значится одно лишь слово: „да“ или „нѣтъ“. Записки собираютъ и подсчитываютъ. Если число записокъ съ надписью „да“ больше числа тѣхъ, на которыхъ поставлено „нѣтъ“, то законъ считается принятымъ; если же „нѣтъ“ превышаетъ „да“ — законъ отклоняется, проваливается.

Такъ свободный швейцарскій народъ творитъ въ законахъ волю свою. Онъ довѣряетъ свою власть депутатамъ, но съ условіемъ, что власть самого народа должна всегда оставаться выше власти избранниковъ его. И когда сравнишь этотъ порядокъ законодательства съ тѣмъ, что царитъ въ другихъ странахъ, то невольно позавидуешь швейцарцамъ.

Свою верховную власть швейцарскій народъ проявляетъ и иначе.

Обыкновенно въ дѣлѣ законодательства починъ исходитъ отъ Союзнаго Собранія (парламентъ). Но этотъ починъ можетъ взять на себя и самъ народъ. Онъ можетъ сказать: такой-то законъ устарѣлъ, надо его уничтожить или замѣнить новымъ; онъ можетъ потребовать измѣненія тѣхъ или иныхъ *основныхъ* законовъ Швейцаріи; онъ можетъ, наконецъ, настоять на пересмотрѣ и передѣлкѣ *всего свода* основныхъ законовъ. Это его право, и власти должны исполнить требованіе народа, если только требованіе это законно; а законнымъ оно считается тогда, когда желаніе уничтожить какой-либо старый законъ или ввести законъ новый заявлено 50-ю тысячами швейцарскихъ гражданъ. Но этого мало, конечно. Заявленіе 50-ти тысячъ гражданъ отдается на судъ всего населенія. Устраивается всенародное голосованіе, и такимъ образомъ ужъ окончательно рѣшается, надо ли уничтожить старый законъ, надо ли принимать законъ новый, слѣдуетъ ли, наконецъ, перерабатывать сводъ основныхъ законовъ. Прекрасное это правило — привлекать все населеніе къ дѣлу законодательства! Только при этомъ условіи законы будутъ дѣйствительно „святы“ и выполнять ихъ

станутъ по доброй волѣ, по совѣсти, а не по принужденію и страха ради...

Объ исполнительной и судебной власти Швейцаріи долго говорить не приходится.

„Правительство", т. е. исполнительная власть Швейцаріи, состоитъ изъ семи человѣкъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ такъ называемый *Союзный Совѣтъ* — нѣчто вродѣ „кабинета министровъ". Попасть въ число семи „правителей" Швейцаріи можетъ всякій гражданинъ, которому не меньше 20 лѣтъ отъ роду. Ихъ *выбираетъ* Союзное Собраніе, т. е. депутаты обѣихъ палатъ швейцарскаго парламента. Избираются они, какъ и сами депутаты парламента, на три года. Изъ этихъ семи человѣкъ одинъ выбирается въ президенты Швейцарской республики, срокомъ лишь на одинъ годъ. Отсюда видно, что всѣ они — люди, желанные парламенту, исполняютъ его волю и держатъ передъ нимъ отвѣтъ за всѣ свои дѣйствія. А это вѣдь и нужно, чтобы страна управлялась по закону, а не по произволу „правителей" ея.

Скажу, наконецъ, о *верховномъ* судѣ Швейцаріи, который называется *Союзнымъ Трибуналомъ.*

Членовъ этого трибунала *выбираетъ* опять-таки Союзное Собраніе, т. е. собраніе народныхъ представителей. По основнымъ законамъ Швейцаріи верховнымъ судьей можетъ быть всякій швейцарскій гражданинъ. Будь только человѣкомъ честнымъ, способнымъ, знающимъ, и передъ тобою открыты двери во всѣ учрежденія и на всѣ должности — таково правило, положенное въ основу швейцарскихъ законовъ.

У Союзнаго Трибунала немало важныхъ дѣлъ; но важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы разбирать тяжбы между Союзомъ и кантонами, или между отдѣльными кантонами. Бываетъ, напримѣръ, такъ, что какое-либо важное лицо, поставленное для управленія дѣлами всего Союза, впутывается некстати въ дѣла того или иного кантона. Тогда кантональныя власти поднимаютъ шумъ: не мѣшайтесь, молъ, туда, куда не слѣдуетъ — кантонъ самъ знаетъ, что и какъ ему дѣлать въ границахъ своихъ владѣній. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ Союзный Трибуналъ и беретъ на себя разсудить, кто правъ и кто виноватъ: союзная власть или кантональная.

Чтобы покончить съ разсказомъ о государственныхъ порядкахъ Швейцаріи, прибавлю еще два слова.

Каждый гражданинъ Швейцарскаго Союза есть въ то же время гражданинъ и какого-нибудь изъ кантоновъ. Каждый кантонъ, какъ я уже говорилъ, есть маленькая республика: онъ управляется самостоятельно, согласно мѣстнымъ, кантональнымъ законамъ. Каждый кантонъ имѣетъ поэтому свой собственный парламентъ и свой собственный „Совѣтъ", которые дѣйствуютъ *независимо, но въ согласіи съ основными законами для всего Союза.* Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и можно только пожалѣть, что въ другихъ государствахъ этотъ разумный, справедливый порядокъ еще не установленъ.

Не мѣшаетъ кстати прибавить, что въ Швейцаріи есть нѣсколько маленькихъ кантоновъ съ небольшимъ числомъ жителей (30—50 тысячъ человѣкъ), гдѣ нѣтъ вовсе парламентовъ. *Тутъ всѣ законы издаютъ не избранники народа, а самъ народъ.* Такъ, напримѣръ, поступаютъ жители кантона Ури, который размѣромъ не больше нашей волости.

Каждый годъ, весною, все взрослое мужское населеніе этого кантона собирается подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь на вольномъ просторѣ природы. Подымаются разговоры о текущихъ нуждахъ и дѣлахъ населенія, предлагаются и обсуждаются законы. Наконецъ, путемъ голосованія это *Народное Собраніе* назначаетъ должностныхъ лицъ, устанавливаетъ доходы и расходы на текущій годъ, принимаетъ рядъ новыхъ законовъ, а затѣмъ... мирно расходится по своимъ домамъ.

VI. Народоправство.

Вотъ мы и подошли къ народоправству.

Нѣчто подобное народоправству существовало когда то у насъ въ маленькой „Новгородской республикѣ". По звону вѣчевого колокола населеніе Новгорода собиралось на площади, обсуждало свои дѣла, проводило законы, назначало „правителей". Въ январѣ 1478 года великій князь Московскаго государства, Василій III-ій, покорилъ эту „республику", уничтожилъ въ ней вѣчевые порядки, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ, и

Городъ воли дикой, городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ Великій тихо опочилъ...

Народоправство держится и по сей день въ нѣсколькихъ маленькихъ кантонахъ Швейцаріи, напримѣръ, въ кантонѣ Ури.

Однако, такого рода народоправство возможно лишь въ маленькихъ государствахъ или въ общинахъ съ небольшимъ числомъ жителей. Нужно, чтобъ населеніе было болѣе или менѣе однородное, нужно, чтобы, оно имѣло сходныя занятія, общія нужды, одинаковые интересы.

Въ современныхъ государствахъ число жителей считаются десятками милліоновъ; современныя государства растянулись на тысячи верстъ въ длину и ширину; населеніе современныхъ государствъ разбилось на отдѣльные классы съ несходными занятіями, съ различными нуждами, съ противорѣчивыми интересами.

Все это мало подходитъ для устройства такихъ порядковъ, которые существуютъ сейчасъ въ маленькомъ кантонѣ Ури и существовали когда-то въ Новгородѣ.

Теперешнее народоправство въ большихъ государствахъ должно сложиться нѣсколько иначе. *Оно не можетъ обойтись безъ парламента.* Нужно только, чтобы парламентъ этотъ составлялся правильно, чтобы въ немъ засѣли *истинные* народные представители, *подлинные* избранники *всего* населенія. Нужно дать этому парламенту самыя широкія права. И въ то же время необходимо поставить волю и власть самого народа *выше* парламента, *надъ* парламентомъ; необходимо, чтобы народъ всегда могъ сказать: здѣсь я хозяинъ, здѣсь все должно быть отмѣчено печатью *моихъ* думъ и желаній!

Но что значитъ «подлинные представители народа, истинные избранники всего населенія»? Это — депутаты, которыхъ избрало все великовозрастное населеніе государства—*и мужчины, и женщины.* Да, выбирать должны *и женщины,* какъ это уже дѣлается, напримѣръ, въ Финляндіи.

А что значитъ «поставить власть и волю народа выше парламента, надъ парламентомъ»?

Понимать это нужно вотъ какъ.

Давая избранникамъ своимъ право вырабатывать законы, населеніе оставляетъ это право и за собой. То есть, при народоправствѣ *починъ въ дѣлѣ законодательства принадлежитъ не только парламенту, но и самому населенію.*

Однако, отъ кого бы ни исходилъ починъ—отъ парламента или отъ населенія — всякій законъ, всякое важное постановленіе *должны отдаваться на судъ всѣхъ великовозрастныхъ гражданъ и гражданокъ.* Имъ принадлежитъ тутъ послѣднее слово; ихъ «да» или «нѣтъ» рѣшаетъ окончательно, быть ли закону или не быть.

Но это еще не все.

Законы надо проводить въ жизнь, то есть дѣлать тѣ или иныя распоряженія, заводить такіе или иные порядки. Въ согласіи съ законами надо судить всѣхъ, кто отступаетъ отъ законовъ, нарушаетъ чужія права или не исполняетъ своихъ обязанностей.

Законы проводитъ въ жизнь правительство, власть исполнительная. За нарушеніе ихъ караетъ судъ, власть судебная.

Какъ же добиться, чтобы правительство и судъ честно и правильно несли свои обязанности?

Мы уже знаемъ, какъ это сдѣлать; мы видѣли это на примѣрѣ Англіи и Швейцаріи, гдѣ власть исполнительная и власть судебная находятся подъ наблюденіемъ законодательной власти, то есть парламента.

Но кто въ народоправческомъ государствѣ является законодателемъ? Развѣ не самъ народъ считается здѣсь высшимъ законодателемъ? Не его ли „Верховная воля“ признается настоящимъ закономъ?

Ну, а если это такъ, то народъ имѣетъ, стало быть, право слѣдить за поведеніемъ правительства и суда. Народъ имѣетъ право призывать ихъ къ отвѣту за самовольные, неразумные и несправедливые поступки. Онъ властенъ смѣстить и правительство и судъ—*даже тогда, когда за нихъ стоитъ самъ парламентъ*. Для этого у него имѣется въ рукахъ могучее средство: всенародный опросъ.

Вѣдь парламентъ есть собраніе избранниковъ народа,—собраніе людей, которымъ народъ передалъ, довѣрилъ часть своихъ собственныхъ правъ. Если эти поставленныя имъ лица не исполняютъ, какъ слѣдуетъ, своихъ прямыхъ обязанностей; если эти представители народной воли идутъ противъ желанія пославшихъ ихъ людей, то какой смыслъ имѣетъ тогда ихъ власть? Къ чему ону нужны? Народъ можетъ сказать:

— „Я ошибся. Мои избранники оказались людьми неподходящими для того высокаго дѣла, на которое я ихъ избралъ. Они не оправдали того довѣрія, которое я имъ оказалъ!“

Да, онъ можетъ, онъ имѣетъ право сказать это и... *распускаетъ парламентъ*, то есть смѣщаетъ съ должностей самихъ депутатовъ и назначаетъ новые выборы. Въ Англіи это право принадлджитъ королю. Въ правовомъ государствѣ оно должно быть въ рукахъ народа и утверждается путемъ всенароднаго голосованія...

Таковы устои Народоправства и Народовластія — а по ученому *Демократической республики*;

Въ основу ея должны быть положены три слѣдующихъ правила:

I. *Законодательный починъ*, исходящій отъ самого населенія.

II. *Всенародный опросъ* при проведеніи въ жизнь законовъ.

III. *Подчиненіе властей*, — т. е. парламента, исполнительной и судебной власти, — *верховной волѣ народа.*

Таковы тѣ „три кита", на которыхъ держится народоправство, т. е. подлинное правовое государство. Но и это еще не все.

У народа, живущаго въ той или иной странѣ, имѣются не только общія для всего государства, но и частныя, *мѣстныя* дѣла и нужды. Разъ весь народъ, все великовозрастное населеніе государства имѣетъ право стоять во главѣ всего управленія, то не ясно-ли, что и населеніе каждой отдѣльной части этого государства—скажемъ, области, губерніи, уѣзда и волости—имѣетъ право распоряжаться самостоятельно, по собственному желанію и разумѣнію, *всѣми своими мѣстными дѣлами?* Это не только ясно, это неизбѣжно: иначе и народоправства-то никакого не получится.

Возьмемъ хотя бы Россію. Страна она обширная. Населеніе ея велико и разнообразно — несходно по языку, по навыкамъ и обычаямъ, по роду занятій. Что ни уголокъ — то свои нужды, дѣла, заботы, интересы. А кто лучше всего сумѣетъ понять, что выгодно для земляковъ его и что убыточно, какъ не тотъ, кто на себѣ самомъ испытываетъ и выгоды эти, и убытки? Отсюда слѣдуетъ, что мѣстными дѣлами лучше всего могутъ управлять мѣстные же люди—наиболѣе свѣдущіе, разумные и достойные жители той или иной волости, уѣзда, губерніи, области. Имъ-то и слѣдуетъ, по выбору отъ мѣстнаго населенія, заняться обслуживаніемъ нуждъ этого самаго населенія. Пусть каждая волость управляется своими выборными людьми, пусть каждый уѣздъ имѣетъ свое собственное самоуправленіе, въ которомъ выборные отъ всего великовозрастнаго населенія уѣзда будутъ рѣшать и налаживать всѣ *мѣстныя* дѣла этого населенія. То же и для губерніи; то же и для цѣлой области, въ которую входятъ нѣсколько губерній. Короче говоря, *гдѣ народоправство, тамъ должно быть и самоуправленіе отдѣльныхъ волостей,*

уѣздовъ, губерній и областей. Надо, чтобы власть народа сказывалась во всемъ—и въ большихъ и въ малыхъ, и въ общегосударственныхъ и въ мѣстныхъ дѣлахъ; надо, чтобы право его устраивать по собственной волѣ жизнь свою выявлялось всюду—и въ заботѣ о нуждахъ односельчанъ, и въ устройствѣ дѣлъ земляковъ по уѣзду либо по губерніи, и въ попеченіи объ интересахъ всего государства, всѣхъ жителей той страны, которую онъ считаетъ своею родиной. Нужно, чтобы воля народная проникала *всю жизнь сполна, снизу до верху,* отъ малыхъ дѣлъ волости или уѣзда до великихъ дѣлъ всего государства. Научившись толкомъ разбираться въ нуждахъ односельчанъ и налаживать, какъ слѣдуетъ, дѣла уѣздныя либо губернскія, народъ сумѣетъ по хорошему да по разумному приложить руку свою къ дѣламъ общегосударственнымъ. Только при такихъ порядкахъ возможны настоящее народовластіе и народоправство.

Итакъ, къ тѣмъ правиламъ, которыя должны быть положены въ основу истиннаго правоваго государства, необходимо присоединить еще одно, и это правило можно выразить двумя словами: *мѣстное самоуправленіе.*

VII. Нѣсколько словъ о «правахъ человѣка и гражданина».

Народоправство или Демократическая республика, сказалъ я, есть истинно *правовое* государство. Иначе говоря, только при народоправствѣ возможны такіе законы и порядки, которые позволяютъ всякому пользоваться своими человѣческими и гражданскими *правами.* Вотъ почему мы считаемъ народоправство желаннымъ порядкомъ. Но желанно оно, разумѣется, не для хозяевъ современныхъ государствъ, не для тѣхъ, кто на неволѣ народа строитъ свою власть, свое благополучіе и счастіе: оно желанно —трудовому народу, тѣмъ милліонамъ обездоленныхъ, безправныхъ людей, которые сейчасъ находятся подъ *двойнымъ* ярмомъ, которыхъ угнетаетъ *и власть и капиталъ,* и чиновники и богачи, *и бюрократія и буржуазія.*

Спрашивается однако: можетъ ли народоправство само по себѣ, безъ крупныхъ перемѣнъ въ *хозяйственной* жизни народа, положить конецъ господству чиновниковъ и богачей? Можно ли надѣяться, что трудовой

народъ сумѣетъ пользоваться безпрепятственно и безбоязненно своими правами въ такомъ государствѣ, гдѣ люди дѣлятся на *бѣдныхъ* и *богатыхъ*, на *тружениковъ* и *тунеядцевъ*, на *работниковъ* и *работодателей*, на *хозяевъ* и *батраковъ*?

Вспомнимъ исторію. Вспомнимъ одинъ хорошо извѣстный примѣръ изъ жизни французовъ.

Сто двадцать восемь лѣтъ тому назадъ французскій народъ возсталъ противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей, противъ короля и знати, дворянъ-помѣщиковъ и духовенства — возсталъ, повелъ ожесточенную, кровавую борьбу и побѣдилъ.

Что же дала ему эта побѣда?

„Старый порядокъ", царившій при французскихъ короляхъ и основанный на беззаконіи властей, рухнулъ. Порвалась цѣпь, державшая народъ въ зависимости отъ дворянъ и духовенства. Всѣ французы были объявлены равными передъ закономъ. Всѣмъ имъ были даны права, извѣстныя съ тѣхъ поръ подъ именемъ „правъ человѣка и гражданина" и положенныя въ основу новаго порядка: право свободно мыслить и безпрепятственно дѣлиться своими мыслями съ другими, право свободно вѣровать, право дѣйствовать согласно своимъ мыслямъ и вѣрованіямъ, право участвовать въ законодательствѣ и въ управленіи дѣлами государства, право сопротивляться всяческому угнетенію и бороться съ угнетателями. „Сопротивленіе угнетенію является слѣдствіемъ всѣхъ другихъ правъ человѣка и гражданина" — такъ гласилъ одинъ изъ законовъ, изданныхъ въ дни Великой французской революціи. „Все общество страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетенъ хотя бы одинъ изъ его членовъ. Каждый членъ страдаетъ отъ угнетенія, когда угнетено общество. *Когда правительство попираетъ права народа, тогда возстаніе является самымъ священнымъ правомъ и самымъ необходимымъ долгомъ* для всего народа и для каждой части его". „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ". „Свобода, равенство и братство" должны лежать въ основѣ всякаго разумнаго и справедливаго общества. Такъ думали, такъ говорили въ ту пору друзья французскаго народа. Такъ и записали въ книгу „основныхъ законовъ" Франціи. Казалось бы, чего же лучше? Все сдѣлано для блага народа — остается лишь пользоваться этимъ благомъ. Но жизнь не оправдала, разбила великія надежды. Французскій народъ, *трудящіеся классы*

его — остался попрежнему на долгіе годы и въ нищетѣ и въ темнотѣ. А почему? Да потому, что французская революція, уничтоживъ много несправедливаго, не уничтожила самаго главнаго зла, *имущественнаго неравенства между людьми*: бѣднякъ, влачившій дни свои подъ гнетомъ непосильнаго труда, такъ при бѣдности своей и остался, а люди обезпеченные и богатые, избавившись отъ власти короля и „благородныхъ сословій", получили возможность пріумножать свои богатства. „Права человѣка и гражданина" стали главнымъ образомъ достояніемъ „третьяго сословія", буржуазіи, тѣхъ немногочисленныхъ счастливцевъ, у которыхъ въ рукахъ были капиталы и промышленныя заведенія, и мастерскія, и машины, и крупные участки земли, и торговыя предпріятія; а для громаднаго большинства людей, для *трудовой* Франціи, для „четвертаго сословія", всѣ эти „права", всѣ эти прекрасныя слова о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ" такъ словами, записанными на бумагѣ, по большей части и остались.

Уже въ дни Великой французской революціи было немало людей, которые отлично понимали, что революція не кончена, что она не сдѣлала всего, что нужно было сдѣлать,— не уничтожила имущественнаго неравенства, не произвела должнаго *переворота въ хозяйственныхъ порядкахъ* Франціи. Эти люди называли себя „равными", ибо стремились къ установленію подлиннаго равенства между всѣми гражданами — равенства не только по закону, но и на самомъ дѣлѣ, въ жизни. Въ своихъ рѣчахъ они говорили:

„Природа дала каждому человѣку одинаковое право пользоваться всѣми благами.

Природа наложила на каждаго человѣка обязанность работать.

Трудъ и блага должны быть общими.

Гнетъ существуетъ тамъ, гдѣ одни изнуряютъ себя трудомъ и лишеніями въ то время, какъ другіе утопаютъ въ роскоши, ничего не дѣлая.

Въ благоустроенномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

Революція еще не кончена, ибо богачи попрежнему поглощаютъ всѣ богатства и держатъ въ своихъ рукахъ всю власть, тогда какъ бѣдняки работаютъ, словно настоящіе рабы, томятся въ нищетѣ и не пользуются никакимъ значеніемъ въ государствѣ".

Но этотъ горячій призывъ къ подлинной свободѣ, къ подлинному равенству и братству остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ и по сей день все ждетъ еще отвѣта...

Итакъ, французскій народъ, поднявшій знамя борьбы во имя свободы, равенства и братства, желанной цѣли своей не достигъ. Революція несомнѣнно улучшила его положеніе. Но она не дала ему ни настоящей свободы, ни равенства, ни братства. Провозглашенныя тогда „права человѣка и гражданина“ полностью въ жизнь не вошли—они стали достояніемъ обезпеченнаго меньшинства, ибо большинство населенія, по необезпеченности, невѣжеству и слабости своей воспользоваться ими не могло. Это великій урокъ для другихъ народовъ, а въ томъ числѣ и для насъ, русскихъ. Забывать его не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ, стало быть, и повторять ошибки французовъ.

Вотъ почему я и поставилъ въ началѣ этой главы вопросъ: можно ли думать, что одно народоправство, безъ крупныхъ перемѣнъ въ хозяйственной жизни народа, способно положить конецъ господству чиновниковъ и богачей? Отвѣтъ на это, послѣ всего сказаннаго, ясенъ. Онъ сводится къ слѣдующему:

Да, народоправство—лучшая форма государственныхъ (политическихъ *) порядковъ, самая разумная, самая справедливая, ибо только при народоправствѣ можно добиться того, чтобы всякій законъ исходилъ отъ воли народа, только при народоправствѣ возможны всѣ тѣ вольности (права, свободы), которыя дороги каждому человѣку, каждому гражданину.

Да, народоправство—желанное будущее для всего трудового народа, и потому его надо добиваться всѣми силами, надо завоевать во что бы то ни стало самоотверженною борьбою.

Но, борясь за народоправство, надо дѣйствовать разсчетливо, чтобы не очутиться въ томъ же положеніи, въ которомъ очутился французскій народъ вскорѣ послѣ Великой Революціи. А разсчетъ тутъ можетъ быть только одинъ: не слѣдуетъ никогда забывать, что народоправство, само по себѣ, полной воли съ собой не принесетъ; не слѣдуетъ забывать того, что говорили еще французы временъ Великой революціи, называвшіе себя

*) Отъ старо-греческаго слова „политейя“, что и значитъ „государство“.

„равными“; не слѣдуетъ, заводя новые государственные (политическіе) порядки, оставлять безъ перемѣны нынѣшніе *хозяйственные* порядки. Нѣтъ, эти порядки нужно уничтожить *и, если не пришло еще время снести ихъ до основанія, то нужно ломать ихъ тамъ, гдѣ это можно.* И только при такой ломкѣ нынѣшнихъ хозяйственныхъ порядковъ войдутъ постепенно въ жизнь тѣ вольности, которыя сулитъ трудовому народу народоправство. Мало сказать: свобода совѣсти и слова, свобода собраній, союзовъ и стачекъ, неприкосновенность личности, право издавать законы и управлять общественными и государственными дѣлами, право сопротивляться угнетенію. Это не все, далеко не все. Къ этимъ „правамъ человѣка и гражданина“ необходимо прибавить еще два новыхъ права: *право на трудъ и право на землю*—право всегда имѣть работу, которая давала бы необходимыя для безбѣдной жизни средства, и право безплатно пользоваться всюду землей, если желаешь жить отъ нея своимъ трудомъ. Тогда и остальныя права получатъ должную силу. Право на трудъ и право на землю пробьютъ огромную брешь въ нынѣшнемъ укладѣ хозяйственной жизни и тѣмъ самымъ упрочатъ народоправство. А упрочивши его, они откроютъ широкій путь къ *полному освобожденію* трудового народа изъ-подъ власти не только бюрократіи (чиновничества), но и буржуазіи (капиталистовъ)—откроютъ путь и приведутъ, въ концѣ-концовъ, *къ соціализму*, къ такимъ порядкамъ, когда не будетъ дѣленія людей на бѣдныхъ и богатыхъ, труженниковъ и тунеядцевъ, рабочихъ и работодателей, батраковъ и хозяевъ, когда все, создаваемое руками трудового народа, станетъ его общимъ, неотъемлемымъ достояніемъ.

Народоправство и соціализмъ—пусть яркимъ свѣточемъ стоятъ они всегда передъ вами!

Пусть озаряютъ многотрудный, тернистый путь, ведущій въ царство правды и свободы!

Съ такимъ свѣточемъ не заблудишься...

